

Роман РУБАНОВ

ПОД МУЗЫКУ АРТИЛЛЕРИИ

Бог войны говорит грозным голосом,
Сотрясая донецкую степь.
И пехота за ним не угонится,
И на танках за ним не поспеть.

Он, как море, исполнен удали.
Он идет за верстою верста
К тем, кто заняли в Мариуполе
«Азовсталь».

Бог войны говорит страшным голосом.
Так другие не говорят.
А Серега из города Горловки
Что-то вроде пономаря:

Он за ним, он всегда с ним рядом,
С этим богом, который суров.
Он подносит ему снаряды,
Слать приветы нацбату «Азов».

Он уверовал в бога этого,
Что стоит за простых людей.
Этот бог не вращает планеты,
Не умеет ходить по воде,

Он прокладывает дорогу
В ржавой слякоти и снегах.
Страшный бог. Грозный бог. Но другого
Бога нет у нас для врага.

Роман Рубанов — актер, режиссер, поэт. Автор книг стихов «Соучастник» (М.: Воймега, 2014), «Стрекалово» (М.: Русский Гулливер, 2016) и «Соната № 3» (М.: СТИХИ). Участник Всероссийских форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературной премии им. Риммы Казаковой «Начало». Лауреат Литературной премии «Писатель XXI века» (номинация «Поэзия»). Стипендиат Государственной стипендии Министерства культуры РФ. Лауреат Международной литературной премии «Звездный билет». Член Союза писателей Москвы. Член Русского ПЕН-центра. Живет в Курске.

АЛЛЕЯ АНГЕЛОВ

Когда погибают дети,
С небес молчаливый, суровый
Спускается ангел смерти
В тельняшке, залитой кровью,

В берете и черных берцах,
Пропахший весной и Крымом,
Спускается ангел к бесам
В горящую Украину.

Не новозаветный вестник —
Мститель ветхозаветный.
Спускается ангел мести,
Чтобы призвать к ответу.

Спускается мрачный ангел,
Как в огненную геенну,
На землю, где столько ада,
Что время для «Мне отмщение...».

Вот град над землей небесный.
Вот ад на земле рукотворный.
И мертвые не воскресли
Из города Краматорска.

Здесь залиты кровью зори,
Небо к земле прибито,
Нелюдей из «Азова»
Здесь посвящают в убийцы.

Ангел идет. И слышно,
Как под его ногами
Души убитых дышат
И шевелят губами.

Вспыхнет синее пламя
В глазах его, залитых гневом,
И за его крылами
Встанет горящее небо,

Встанут полки убитых.
Высохнут кровь и слезы.
Время не для обиды,
Время для «Меч принес я...».

Будут смотреть не по-детски
На палачей из «Азова»
Ангелы из Донецка
В нимбах своих свинцовых.

Огненный дождь прольется
На потерявших память.
Ангел поднимет солнце
И запретит ему падать.

Меч заблестит во мраке.
Месть застучит в сердце.
И на кровавой ранке
Вспыхнет воскресшее детство.

* * *

Исклевали воронки донецкую степь,
Потому что земля жирна.
И теперь о Донецке, как раньше, не спеть.
И теперь его не узнать.

Те, кто смерть изучал начиная с азов,
Теперь рыщут в донецких краях
С головами псов, позывным «Азов»,
Черной свастикой на рукавах.

Киев панночкой сел в домовину, как в таз,
Не взлетает, бьется, кричит,
Свесил ноги и брызжет слюной на Донбасс
В украинской тревожной ночи.

Эта панночка древнего Вия зовет,
Чтоб он встал из холодной земли,
Поглядел на восток, указал на народ,
Чтобы все как один полегли,

Чтоб он смертью обрушил свой взгляд на дома...
Поворот этой повести крут:
И спасительным мелом рисует Хома
По донбасским границам свят круг.

Он попросит ответить на главный вопрос,
Что главней всех повесток и тем:
«Кто ракету послал на вокзал в Краматорск?
Кто убил стариков и детей?»

Посмотри — все убитые ныне в раю,
Не в земле, как ты думала. Над.
Все живые российские песни поют,
Возвращайся обратно в свой ад».

Будет голос его тяжелее огня
Разрывать мертвый панночкин слух,
И всю нечисть в одну домовину согнав,
Он ударит. И крикнет петух.

И донецкая степь зацветет по весне.
И развеется морок, как миф.
И пожнет Бог всю память о страшной войне
И посеет на землю Свой мир.

* * *

Парень тот, что убит под Стахановом,
Встанет, и жизнь повторится заново:
Средняя школа двадцать восьмая,
Парад на площади на Девятое мая,

Трамвай до Теплогорска — туда и обратно,
Художка, катанье на лодке с братом,
Поджиганье покрышек за гаражами,
Розмовляющие українською горожане...

А потом — воронки, кровавые реки, трупы.
Трубят архангелы в мятые медные трубы.
Полк поредел, но доблести не утратил.
И собираются вместе убитые братья,

Чтоб снова город Стаханов закрыть собою
От украинских снарядов. Стоит собором
Золотоглавым парень, вчера убитый,
Он будет стоять, он не сойдет с орбиты,

Все пули в него одного. Он стоит, как камень.
Сердце перед собой держит двумя руками.
Архангел снимает трубку, там голос Бога:
— Михаил, подмени его, пусть отдохнет немного.

* * *

Кому мать родна, кому теща,
кому в поле трава...
А в тылу и вояки толще,
и диван

мягче. Взгляд острей, шире, зорче —
рассуждай, не ленись.
А в тылу каждый, сам себе зодчий,
строит жизнь.

А в дыму одному не страшно —
там свезло не свезло.
А в дыму разобрать, где наши
тяжело.

А война, она шуток не любит,
ей бы жертв.
По своим Украина лупит,
попадая уже

в наших. Ей и своих не жалко,
ей бы всех.
Умирать в феврале не жарко —
раз — и в снег.

А возьмет за горло безверие —
плач навзрыд,
чтоб под музыку артиллерии
с Христом Богом поговорить.

* * *

А смерть придет, закурит, запоем,
Хлебнет из фляжки
И скажет: «Недолет и перелет —
Не так уж страшно.

Страшнее быть неузнанным в степи
И нелюбимым.
Все пули в одного, но ты терпи.
А вдруг, да мимо.

Котлы горят, и люди говорят.
Да что там люди.
С небес идет без остановки град
Из всех орудий,

Но ты терпи, курни и не боись,
Глаза у страха
Невелики. Пройдет и эта жизнь.
Мы все из праха».

Она докурит, выпьет и уйдет
Слова искать.
И будет недолет и перелет
Под Иловайском.

И землю собирая пятерней,
В кровавой каше
Уснешь. И Бог домой тебя вернет
К небесным нашим.

ТАРАС

— Что ты, сынку, дрожишь от страха?
А ну стой и не шевелись!
Помогли тебе твои ляхи?
— Видишь, батьку, не помогли.

...Украинская ночь прозрачна,
И тиха, и как сыч глуха.
Укрепляется дух казачий
С криком первого петуха.

Но Тарас словно на поминках
По Остапе. А здесь... сейчас...
— Сынку, сынку... ну что ж ты, сынку?
Жизнь вся спалена, как свеча.

Как бурсацкий задор, Андрийка?
Да-а-а... с мазунчика спрос каков!
Слышишь, польская канарейка
Пилит пилочкой город Львов?

Как же так ты переметнулся?
Продал всех! Обо всех забыв!
Слышишь, Гоголь перевернулся
С боку на бок в своем гробу?

Польской бабы крутые плечи
Охмурили тебя, дружок.
Ну, теперь тебе, сынку, легче?
Ну, теперь тебе хорошо?

Как ты родину на коленки
Променял, песий хвост, скажи?
Это скажет Христос Кукубенко:
«Одесную меня садись!»

А тебе лишь одна дорога —
Пуля с батькиного ружья.
Породил я тебя такого.
И убью тебя тоже я.

Так предать! Ни страны, ни флага,
Ни двора теперь, ни кола.
Ну-ка поворотись, бродяга,
Чтобы пуля ровней легла.

...Он опустит ружье и скажет:
— Что-то сердце в груди болит.
А теперь пусть огонь попляшет.
Пусть железо поговорит.

И какие еще вопросы
К казаку, коли пробил час.
Миллионы цветов Новороссии
Были выжжены. А сейчас

Время смечь эти гарь и сажу,
Кашу крепкую заварить.
А за нас — пусть огонь попляшет,
Пусть железо поговорит.

* * *

Мы — русские! С нами Борхес,
и Маркес, и Эдгар По.
Мы — русские! С нами борются.
На нас нападают толпой.

Богатства, что в недрах, манят
захватчиков, как магнит.
Мы — русские! С нами Рахманинов,
Чайковский, Сен-Санс и Шнитке.

Нас гимна лишали, флага,
вытапывали и жгли.
Лупили по нам с флангов,
стирали с лица земли.

А мы возрождались из пепла,
выстраивались из руин.
Мы — русские! С нами Шпенглер,
Левкипп, Демокрит, Плотин.

Великую литературу
замалчивают под шумок,
стирают нашу культуру...
Мы — русские! С нами Блок!

Стыдить нас всем миром не надо,
В нас накрепко сплетены
Флоренский и Леонардо,
Набоков и Арнотí.

Нас видят живой мишенью,
Блуждающей меж берез.
Хотите культуру отмены?
Так мы с собой заберем

Моне, Ренуара, Сартра,
Шагала, Дали, Дега...
По ком буревестник каркает?
По ком голоса снега?

По вам. Вы культуру продали,
Сменяли на бусы, на хлам.
Она горбуном юродивым
Покинула Нотр-Дам.

Оставьте. И перестаньте
Нас в смертных грехах обвинять.
Мы — русские! С нами Данте.
Он выведет нас из огня.